

Автор: Чаплина Валентина Семеновна

Книга: Веселая книжка

Рассказ: Ракиду (отрывок)

Как-то мы с Генкой стояли во дворе и разговаривали. Из своего подъезда вышла Эльвира Хрюкина с красной сумочкой. Отец привез ей эту сумочку из заграницы вместе с платьем для невесты. Она огляделась и, вертя сумочкой, как пропеллером, пошла... прямо по направлению к нам. Мы сообразили, что Эльвира, конечно, пройдет мимо, не удостоив нас своим вниманием, и продолжали разговаривать.

Я рассказывал про новый телефильм, которого Генка не видел. «А они – бах-тах-тарарах! А эти тогда – бум-трум! Бэмц!». Другие слова почему-то не находились. В рассказе мне помогали и руки, и ноги, и голова. Они вертелись в разные стороны. А Генка слушал неподвижно и что-то жевал. А Эльвира в двух шагах от нас неожиданно остановилась и... заскакала на одной ножке. Потом сняла босоногу (босоножкой ее не назовешь, потому что на вид тоже мамина) и стала что-то из нее вытряхивать. До-олго и тщательно вытряхивать.

Мы сразу поняли, что вытряхивать из босоноги нечего. Просто Эльвире хочется узнать, о чем это я Генке рассказываю. Я сейчас же соорудил умильную рожу и сказал громче обычного:

– Дорогой мой Геночка, скажи, пожалуйста, как ты поживаешь?

Генка подхватил:

– Дорогой мой Мишечка, я поживаю... ммм... ничего.

– Я очень рад, что ты поживаешь... ммм... ничего. Эльвира прошептала под нос «дураки», надела босоногу и, пройдя мимо нас, вышла на улицу, хотя из ее подъезда улица была гораздо ближе, если идти в другую сторону. – Н-ну, эти девчонки... Все им знать надо, про что мы разговариваем. Так бы им – бэмц! и наподдал. Любопытные.

А Генка задумчиво произнес:

– Вот... выдумать бы такой язык, чтоб они не понимали. А?

Точно! – я даже подскочил от этой радостной мысли. – Мы бы с тобой понимали, а девчонки нет. Давай выдумаем, а? А чего? Запросто. Можно буквы в словах переставлять.

– Не буквы, а слоги, то есть слоги или слога? Как правильно?

– Я не знал, как правильно, но согласился сразу.

– Ага. Точно. Целые слоги или слога, как их там. Я вот Миша, а переставишь, значит, Шами. Ты Гена, а по-нашему будешь Наге. Поррядок! А можно слова наоборот говорить. Не дом, а мод. Не мама, а амам.

Амам, – улыбнулся Генка и пожевал, хотя во рту ничего жевательного уже не было. Чего это язык все время под зубы подворачивается?

– Длинный, наверно, вот и подворачивается, – ввернул я, зная, что Генка не обидится.

А бабушка сказала, что врать нельзя, – неожиданно вспомнил он, – а то язык распухнет и говорить не сможешь.

– Чего он распухнет-то?

– Бог накажет. За вранье.

– А-а... Айда домой, потренируемся, как нам теперь разговаривать. Я тебе позвоню.

Через несколько минут у Генки раздался телефонный звонок.

– Тевирп, Наге, – сказал я другу в ухо.

– А? – поперхнулся он. – Чего?

– Тевирп, Наге!.. Не понял, что ли? Я говорю, привет, Гена.

– А-а... Ну, привет.

– Не «ну, привет», а «ун, тевирп». Привет наоборот тевирп получается. Ыт гоче ешьдела?

– Я батон ем, а не дела.

– Какой батон? Не батон, а тонба. Я тебя и не спрашиваю, что ты ешь. Я спрашиваю, ты чего делаешь?

– Не «чего», а «что», – поправил Генка. – Я... это... метонба.

– Во, точно. Ем батон. Дак мы уже умеем разговаривать на своем языке.

– Думаешь, они не поймут?

– Где им, девчонкам! Им бы только бантики-фантики. Айда во двор.

Мы повесили трубки и тут же вылетели из подъезда.

– Здорово мы выдумали, правда? Теперь никто ничего про нас знать не будет. Самые секретные секреты можно орать на весь двор. Ура-а!.. Ой, не ура, а ару-у! Или рау-у! – но тут я замолчал, потому что Эльвира возвращалась домой с улицы и шла опять мимо нашего подъезда, как будто с другой стороны уже и ходу нет, хотя там ближе. Сумочка вертелась в руке, как пропеллер. А в это время во двор вышла Зина Корзинкина, ну-у, Корзинка, в общем.

Девчонки встретились, пошептались и стали хохотать. Стоят и хохочут и хохочут, как ненормальные. На нас не смотрят, только хохочут. Но мы прекрасно знали, что если бы нас не было во дворе, то девчонки не хохотали бы.

И тут я громче обычного, чтобы слышно было сквозь хохот, выпалил, тоже будто не обращая на девчонок внимания:

– Наге, а Наге, амам заласка бычто я мойдо лёш.

Хохот оборвался сразу. Мгновенно. Будто кто-то его ножницами отщелкнул. Откуда же девчонкам было догадаться, что я выпалил: «Гена, а Гена, мама сказала, чтобы я домой шел».

Теперь невозмутимо заговорил Генка:

– Шами, гойдоро, я жето дупой... домой, то-есть не домой, а мойдо к бете. Нолад? – и, вытирая пот, тихонько добавил: – Ой, мамочки.

Девчонки не произносили ни слова, наверно, ждали, что мы еще скажем. И я, конечно, сказал:

– Наге, мёдпой годнясе ан... барылку?

– На какую еще на барылку пойдем? – прошептал Генка, чтоб девчонки не слышали.

– На рыбалку, – сказал я тихо и опять громко: – Наге, мёдпой, а?

– Мёдпой, – ответил Генка, в смысле пойдем.

Во дворе было тихо, как в классе на контрольной. Потом девчонки с вытаращенными глазами медленно прошли мимо нас, остановились и обе стали внимательно разглядывать... дерево, будто увидели его первый раз в жизни. А это дерево тут росло уж лет сто пятьдесят.

Я не унимался:

– Наге, дёмпой патько вейчер. А? Дёмпой?

Генка сообразил, что я зову его копать червей, и кивнул.

– Дёмпой.

Дерево девчонки разглядели все с верхушки до корней и обратно десять раз. Больше разглядывать было нечего, потому что за деревом был детсадовский забор. А забор чего разглядывать? Смехота разглядывать забор. Но они стояли, как вкопанные, ждали, что будет дальше.

Я продолжал:

– Иом амам и апап дутпой в тигос. А ым дёмпой ан... ан...

– На барылку? – подсказал Генка.

– Да не на барылку, на барылку вечером, то есть ромвече, а чассей амам и апап... это... амам и...

Тут Эльвира неожиданно подошла к нам, перестав вертеть сумочкой, спросила:

– Вы что, есть хотите? Амам да амам.

Ой, ну умора, есть мы хотим, о-ой, – и теперь мы расхохотались. Но Эльвира не отступила:

– А... это что... набарылка?

– Сама ты набарылка! Не Эльвирка, а Набарылка!

– Точно, Набарылка, – поддакнул Генка.

И только теперь она отошла к Корзинке, а сумочка опять завертелась, как пропеллер. Генка дожевал батон и вдруг схватился за щеку. Я дернул его за рукав:
– Чего молчишь? Говори что-нибудь по-нашему, – а Генка тер щеку и тер. – Ты что, онемел?

– Нн-мм-лл, – попытался он что-то произнести, но ничего не получилось.

– А?.. Че-го?

– Нн-мм-лл...

И меня вдруг осенило:

– Язык распух, да? Ты мне, значит, чего-нибудь здорово наврал? Бабушка правильно говорила, да?.. У-у, враль несчастный! Я тебе за вранье-бэмц! так врещу!

Я, конечно, налетел на него и начал дубасить кулаками. Генка от неожиданности даже сразу не сообразил ответить. Стоял и рукой защищал почему-то... рот.

Тут надо сказать, что у Генки был ненормальный... нос. Другие носы бей и ничего. А его чуть заденешь, и сразу кровь вжи-ик. И течет. И течет. Мы это знали и крови этой уже не боялись. Она сама останавливалась потом. Боялась только мама. Как увидит его нос в крови, так чуть не в обморок падает. Кровь у Генки, а Скорую к маме вызывают. Смехота.

Мы, когда дрались, то я старался не задевать этого ненормального носа. А сегодня он неожиданно попался мне под кулак. И... вжи-ик на белую рубашку. Генка сейчас же схватился за нос, потом за рубашку. Кровь размазалась по щеке и по рубашкиной груди.

– Ой, – вскрикнула Набарылка.

А Корзинка открыла рот и... ничего не сказала. Чудно. От страха, наверно. Мы видели, что девчонки перепугались, будто это им больно. А Генке вовсе больно не было... Тут как раз во двор вышла Генкина мама, чтобы идти по магазинам. Мы мгновенно со двора исчезли. Она ничего не заметила.

В детскосадском заборе был потайной лаз. Мы частенько за этим забором прятались. И сейчас очутились там. Кровь уже остановилась. Но в таком виде маме показываться было невозможно, а со двора она все не уходила, разговаривала с соседкой. Это – надолго.

– Айда на Волгу огородами, на наше место. Умоешься, рубашку выстираешь, глядеть на тебя невозможно!

– Не умею я стирать, – пробурчал Генка, но идти согласился.

Река была рядом. Огородами, правда, дорога длиннее, но не бежать же по улице в перепачканном виде. А тут только перейти ее в двух местах и все. Минут через пять мы были у воды. Генка умылся, снял рубашку, бросил на песок. А у него и живот в бурых пятнах.